

ПОЗИТИВНЫЕ МИФЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ «Орлёнка» Загляни в глаза себе

Борис Куприянов,
*профессор Костромского государственного
педагогического университета,
кандидат педагогических наук*

Всё ошутимее победоносное шествие общества потребления со всеми его атрибутами. Вспоминается популярный загородный детский центр, где всё содержание выстроено как калейдоскоп телепередач: «Фабрика звёзд», «Дом-2», «Последний герой»... Часть детей становятся «звёздами», а остальные — зрителями сразу целой серии телепроектов благодаря современным техническим теле-видеосредствам. Сами педагоги ощущают себя продюсерами, руководителями шоу. Хорошо ли это? Думаю, не очень.

Грандиозное наступление потребления сегодня практически лишено альтернативы.

Одним из самых ярких моментов моей юности была поездка в 1982 году во Всероссийский пионерский лагерь ЦК ВЛКСМ «Орлёнок». Здесь было и очарование юношеской дружбы, и первый опыт самостоятельной общественной работы, и нечто совершенно новое — легенды «Орлёнка». Спустя восемь лет приехал сюда в качестве

вожатого. Помню, как беспокоила проблема душевной точности — нужна была красивая подача, но недопустим был пафос, хотелось адекватности — точно попасть в настроение «огонька» или вечернего круга по территории. Несколько позже, когда я уже возглавлял педагогический отряд студентов и преподавателей Костромского госуниверситета, часто посещала мысль: как было бы здорово придумать легенды, чтобы транслировать те или иные идеи. Правда, тогда уже в личном профессионально-педагогическом арсенале текстов были «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», «Маленький принц», притчи, в том числе и собственного сочинения. Сегодня приходят размышления о том, «что есть что?».

**«...От любви к туманной поэтике,
до любви к бытовой математике...»**

В самом общем виде слово «миф» можно истолковать как «фантастическое, упрощённое представление о мире». Ролан Барт обращает внимание на задачу мифа — «устранять проблемность из восприятия жизни, делая все её моменты осмысленными». Он пишет: «Мифологическое мышление снимает непереносимость страданий и ужас перед действительностью»¹. Думаю, мы не сильно искадим жизнь взрослых и детей в загородном лагере, если будем утверждать, что одна из сторон этой жизни — «миф», сотканный из множества легенд, притч, стихотворных текстов, поддерживаемый целой системой символики.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона указывает, что в слове «легенда» (от лат. *legenda* — то, что должно читать) отражается некоторый эталон и назидательность: «В обиходе средневекового католичества легендой называлась похвала и житие святого, которые следовало читать в церкви в день, посвящённый празднованию

¹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. С. 72–130.

памяти этого святого». Авторы статьи указывают, что легенда — продукт длительного историко-культурного процесса доработок, изъятий, художественных обработок, может вбирать элементы (сюжеты, образы) более древних или современных текстов. В большом энциклопедическом словаре обращается внимание на такие черты легенды, как поэтический вымысел и одновременно претензии на достоверность: «В фольклоре легенда — вошедший в традицию устный народный рассказ, в основе которого фантастический образ или представление, воспринимающийся рассказчиком и слушателем как достоверные». В практике воспитания, чаще всего внешкольного, летнего, легенда представляет собой рассказанную педагогом историю с фантастическим или относительно реальным сюжетом, призванную проиллюстрировать те или иные ценности или нормы. Легенда используется как приём в ходе убеждения (для решения задач демонстрации идеи, проблематизации слушателей, объяснения собственной оценки тех или иных событий).

Коллективная жизнедеятельность любого детско-взрослого сообщества включает миф как ценностно-смысловой и знаково-символический план. В «Орлёнке» этот план казался достаточно целостным, включающим не только легенды, но и песни, стихи, а также визуальные символы — сооружения, памятники, изображения. Многие тексты, возникшие органично, вплелись в знаково-символический план бытия «Орлёнка». Примером может служить песня «Комсомольская площадь» (Слова Е. Долматовского, музыка Э. Ханка). И всё же этот план трудно назвать абсолютно целостным. Сегодня можно представить себе несколько таких пластов:

- официально идеологический (контекстуально навязанный общественной реальностью и государственной идеологической политикой);
- внешний неформальный — народные и авторские, кавказские и моряцкие, волшебные сказки, притчи, рассказы (случайно

попавшие в жизнедеятельность «Орлёнка», но оказавшиеся в резонансе с реалиями детско-взрослого сообщества);

- **внутренний интегральный** — сказочный мир легенд, рождённых в самом «Орлёнке».

Выделение этих пластов условно, как всякая схема, и всё же основаниями для этого можно считать:

- **искусственность генезиса** (продукт чьей-либо деятельности) — **естественность генезиса** (продукт стихийного процесса преобразования);
- **внешний источник** (задание конструкта из-за пределов сообщества) — **внутренний источник** (возникновение внутри сообщества, порождены самой жизнедеятельностью детско-взрослых коллективов).

Каждый из пластов можно представить в виде солнышка, где от ценностного ядра отходят пять лучей — пять групп символов:

- словесные (девиз, название, имя);
- предметные (знамя, форма, нагрудный знак);
- действенные (ритуалы);
- музыкальные (мелодии, сигналы);
- изобразительные (рисунки).

Существование орлятской мифологии феноменально. В этом изолированном социуме носители мифологии сменяются достаточно быстро. И тем не менее традиция много лет воспроизводится.

Будем борцами!

К первому, «официально идеологическому пласту» отнесём легенду об Орлёнке. Писатель Леонид Каганов провёл глубокое исследование на эту тему. Он упоминает мультипликационный (1968) и художественный фильм (1957), песню (авторы В. Белый, Я. Шведов, 1936)², обнаруживает истоки легенды в реальных событиях германской революции 1918 года и гражданской войны в СССР. Писатель убедительно отмечает возможность «белогвардейского Орлёнка», однако предполагает более ранние источники в классике XIX века и событиях Русско-японской войны 1904–1905 годов.

² <http://leo.aha.ru/dnevnik/2007/07/05.html>

Визуально легенда об Орлёнке выражается главным символом лагеря — изображением мальчика в будёновке, представлена памятником на центральной площади, значками — реликвиями, различными плакатами, эмблемами. Важную роль в «Орлёнке» 1980-х играли будёновки, их полагалось носить по торжественным случаям вожатым, командирам отрядов и членам совета дружины. Ценностно-смысловое наполнение этого символического ряда может быть обозначено так: верность идеалам, стойкость, романтика борьбы, подвиг. Образ борьбы и войны имел разные варианты — гражданская, Отечественная, испанская, и т.д.

Ещё одна идея состоит в том, что ты можешь быть маленьким, слабым, но твой вклад в дело общей победы оказывается весьма значительным. В унисон истории Орлёнка звучат история о Гавроше, сказка А.П. Гайдара «Сказка о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове», образ Павки Корчагина. Образ Орлёнка отразился в песнях о барабанщиках, трубачах, комсоргах (В.П. Крапивин, В.И. Ланцберг, А.Н. Лутошкин, В. Поспелов, Б.Ш. Окуджава). В центре — всё тот же сюжет — самопожертвование, война, подвиг маленького (по возрасту, по силам и опыту) подростка во имя большого дела — дела *взрослых*.

С улыбкой юный барабанщик
На землю сырую упал.
И смолк наш юный барабанщик,
Его барабан замолчал.
(М. Светлов)

Но если вдруг когда-нибудь мне
уберечься не удастся,
Какое новое сражение ни покачнуло б
шар земной,
Я всё равно паду на той,
на той единственной гражданской,
И комиссары в пыльных шлемах
склонятся молча надо мной.
(Б. Окуджава)

И встал трубач в дыму и пламени,
К губам трубу свою прижал —
И вслед за ним весь полк израненный
Запел «Интернационал».
И полк пошёл за трубачом —
Обыкновенным трубачом.
(С. Крылов)

Сколько легло нас, мальчики,
В травах и узких улицах —
Маленьких барабанщиков,
Рыцарей ярых атак!
Но не могли мы кланяться,
Жмуриться и сутулиться,
Палили... А товарищи
Шли, отбивая такт...
(В. Крапивин)

Так не смей трубить отбой,
ты ж дорогу до конца не прошагал,
и уходит из-под ног в небосвод голубой
самый трудный, самый главный перевал.
(В.И. Ланцберг)

Снова трубы тревоги
Играют, слышите, где-то.
Комсорги, нас ждут дороги,
Восьмое чудо света.
(А.Н. Лутошкин)

Как на испанском фронте,
Руки взметнутся в «рот-фронте»,
За всё, что начато было отцами,
Будем борцами! Будем борцами!
(В. Поспелов)

Здесь извечное противоречие мира взрослых и мира детей (подростков) разрешалось путём общего служения великой идее, поведением подростков по примеру взрослых. Тексты песен включают скрытые или прямые призывы: «Не смей!», «Будем!», «Ты прикажи!». Такая своеобразная военизация соединяет разные времена — гражданскую, испанскую, Отечественную войны, сегодняшний день. Требование быть борцами — «Революция продолжается!» наиболее явно отразилось в образном мире Фрунзенской коммуны да и всей идеологии и практике коммунарского движения.

Ещё один поэтический образ — «дорога», как его интерпретировать? Может быть, дорога — путь к светлому коммунистическому завтра, а может, дорога в завтра — во взрослую жизнь, такая, которая потребует от сегодняшних девочек и мальчишек мужества и стойкости (взрослости)?

Ещё один штрих. В каждом из лагерей доперестроечного «Орлёнка» были отряды барабанщиков. По-моему, их подбирали по росту — все маленькие и шумные.

В этом же ряду есть ещё одна легенда «Орлёнка» — легенда о вожатом Валерке, в лагере имеется Валеркина тропинка и песня «Баллада о Валерке» (Слова В. Татаринова, музыка В. Кикта). История о Валерке повествует о вожатом, который стал лётчиком.

«...И однажды во время ночных полётов у самолёта отказало управление, самолёт начал падать. А, как известно, наши полигоны по испытанию военной техники почему-то всегда расположены в черте города. Странно, но факт. Валерка мог, конечно, катапультироваться, но тогда бы самолёт упал на спящий город. Валерка начал отводить самолёт от города, но когда стало можно покинуть самолёт без риска его падения на город, прыгать было уже поздно...» (текст Ольги Сохиновой).

Основная фраза «Баллады о Валерке» (слоган) звучит так: «Ты обязан быть героем, если ты Орлёнком стал!».

Официальная мифология «Орлёнка» была не только адекватна общей государственной идеологии, узнаваема по аналогии с мифологемами, транслируемыми СМИ, наружной рекламой (плакаты, лозунги), даже оформлением кондитерских изделий (шоколад «Гвардейский», вафли «Артек»). Знаково-символический план жизнедеятельности соответствовал подростковому возрасту и по сути — максимализму, «души прекрасные порывы», романтизм, и по формам предъявления.

Мы наш, мы новый миф построим!

Второй ряд легенд «Орлёнка» — «случайные» — представляет собой различные по контексту (народные, кавказские, моряцкие, волшебные) сказки, притчи, рассказы, которые возникли в иных сообществах и стали использоваться вожатыми в лагере. Скорее всего, причина живучести в возможности использовать их для иллюстрации каких-либо воспитательных событий: легенды о речке Пляхо, о рыбаках, о каменных цветах.

Легенде о трёх каменных цветах соответствует и своеобразный ритуал загадывания желаний — нужно взяться за один из каменных цветов закрыть глаза и загадать желание³:

- держась за маленький цветок — желание для себя;
- за средний по размеру — желание для близких и родных;
- держась за самый большой цветок — желание для всего человечества.

Вообще в «Орлёнке» много мест, где согласно легендам можно загадывать желания. В этом, наверное, в полной мере проявляется ещё один секрет притягательности этого лагеря — опора на особенность детского сознания, его мифологичность, которая ярко проявляется в «детской магии».

Третий ряд представляет собой сказочный мир легенд, рождённых в самом «Орлёнке» и повествующий о людях и событиях, имевших место на территории лагеря: легенды о доме вожатых, о ступеньке с надписью «Я тебя люблю», о синем крабе. Про синего краба сложена одноимённая песня (авторы В. Крапивин и Ю. Устинов), песня о чуде, о душе («горнее важнее профанного»), о миге подлинного существования. Во всех этих легендах прочитываются подростковые и юношеские темы: первая любовь, одиночество, дружба.

Тема юношеской любви, неразделённой, романтической и робкой, нашла отражение в легендах об одинокой сосне и ступеньке на звёздной лестнице с надписью «Я тебя люблю!». Суще-

³ В «Орлёнке» множество мест, где можно загадывать желание. Думается, что это проявление детско-подростковой магии, окультуренной педагогами.

ствует созвучная по контексту песня «Про октябрёнка Алёшку» (автор В.П. Крапивин). Там Алёшка «полюбил из второго отряда девчонку», тайно дарил ей цветы, «девчонка не узнала, что была для него всех дороже и ещё две недели вздыхала об отрядном вожатом Серёже». С символикой орлятской жизни ярко «срезонировала» гриновская поэзия «Алых парусов», особенно после песен В.И. Ланцберга. Действительно, юноши и девушки оказывались в столь романтическом месте, и ожидание алых парусов на горизонте было совершенно естественным. Не может не вызывать симпатии такая красивая детская влюблённость, платоническая, без претензии на взаимность, глубоко интимно-личная.

Ещё одна тема — расставание. Символикой прощания означены в «Орлёнке» ряд мест, с которыми также связаны легенды — «Площадь слёз», «Лестница, ведущая в никуда»:

*«...Здесь можно увидеть и вожатых...
Приходят они сюда обычно в дни отъезда,
когда ребята, с которыми пройдено
много дорог, пережито много дней,
разъезжаются по домам. На этой
лестнице можно успокоиться, найти
в себе новые силы для следующих смен,
понять и осознать свою роль в этом
мире...»* (текст Владимира Атясова).

Расставание с лагерем, друзьями, перерастает в экзистенциальную тему понимания жизни как череды «встреч и расставаний», неповторимости каждого мига, уникальности каждой встречи.

Что пожелать вам, мальчишки, девчонки?
Встретиться снова бы в нашем «Орлёнке»!
Будет и солнце и пенный прибой,
Только не будет смены такой...
(Н. Добронравов)

Всё, что было, всё, что будет,
Всё, что в жизни только есть —
Я сегодня оставляю вам на память...
(А.Н. Лутошкин)

Будем идти мы, с ветрами споря,
За мечтой.
Дружбу «Орлёнка», зори «Орлёнка»
Мы увезём с собой.

(И. Грибуллин)

Шёпот ветра не даёт уснуть,
За окошком дождик льёт, как из ведра.
Я прощаюсь с вами, я иду в свой дальний путь —
Извините, мне уже пора.

(А.Н. Лутошкин)

Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены.
Тих и печален ручей у янтарной сосны.
Пеплом несмелым подёрнулись угли костра.
Вот и окончилось все — расставаться пора.

(Ю. Визбор)

Символический строй «Орлёнка» включает поэтические образы «Море», «Город», «Небо», «Звёзды», «Костёр», которые люди издавна наделяют метафизическими смыслами. Как иначе объяснить то, что песни и легенды, придуманные для конкретного лагеря, широко разошлись не только по лагерям актива, но и по туристическим клубам, общественным организациям, студенческим педагогическим и строительным отрядам.

Но! Трудно разобраться где ясно, где туман, в потоке информации с поправкой на обман

Осмысление знаково-символического плана жизнедеятельности детско-взрослого сообщества ВДЦ «Орлёнок» позволяет зафиксировать, что педагогическая успешность использования знаков и символов обеспечивается *валентностью содержания и формы при амбивалентности способов их проявления*⁴.

⁴ Смирнов С.Н. Педагогические условия использования символики в воспитании патриотических чувств учащихся кадетского корпуса: Дисс... канд. пед. наук. Кострома: Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова. 2002.

За этими малопонятными словами скрывается несложная формула. Формула, основанная на идеях известного психолога Курта Левина. Начиная с диссертационной работы С.Н. Смирнова, под валентностью в педагогике стали понимать «силу притяжения, степень побудительной силы педагогического воздействия, способность символа образовывать смысловые и ассоциативные связи... степень воздействия средства, приёма, силу ответной реакции воспитанника»⁵. Применительно к жизнедеятельности детско-взрослого сообщества «Орлёнка» валентность показывает, насколько символы вызвали соответствующие эмоции, переживания, в какой степени способствовали формированию представлений и образов. Обратная сторона валентности — отторжение учащимися значений и формы символики. Следовательно, валентность символики обеспечивается:

- непротиворечивостью значения символа ранее усвоенным смыслам;
- адекватностью ожиданиям;
- информированием (смысловым воздействием);
- заражением (эмоциональным воздействием).

Пример взрослого, отношение группы к происходящему оказывают эмоциональное воздействие на воспитанника. Валентность формы символа связана с эстетичностью внешнего вида, соблюдением удобства в использовании символики, а также соблюдением законов геральдики, фалеристики, униформологических и вексиллологических правил.

Амбивалентность — не что иное, как механизм взаимного изменения, взаимодополнения и взаимопроникновения исключаящих друг друга полюсов дуальной оппозиции и реализуется в отрицании, сочетании и взаимопереходе в воспитательном процессе:

- событийности и повседневности;
- непрерывности и дискретности;

⁵ Там же.

- коллективности и личности;
- внешней и внутренней сторон;
- организованно и стихийно;
- социальности и индивидуальности.

Если попытаться «расколдовать» слово «амбивалентность», то получится несколько утверждений. Прежде всего, значения символов вожатый может объяснять подросткам прямо и организованно — когда объявляется, что «Мы сегодня узнаем...», а те самые объяснения могут быть изложены на стендах, в брошюрах, плакатах, и встреча с этой информацией происходит стихийно, опосредованно. Кроме того, воспитанник может стать свидетелем того или иного ритуала или использования символа и сам обратиться за разъяснением к педагогу.

Символы в лагерной жизни присутствуют в индивидуальной и общественной форме. Индивидуальное использование воспитанником символики приводит к эмоциональному присвоению символа, когда последний становится индивидуальным, индивидуализированным. В то же время имеется немало символов, которые используются только совместно, существуют только благодаря общности — например, орлянский круг.

Часть символов «орлята» и вожатые видят повседневно, практически непрерывно, они становятся будничными атрибутами каждого дня. В то же время есть атрибуты, которые предъявляются только в самые важные, особые дни. В ситуации всеобщей публичности происходят ритуалы. Кроме того, объективно имеются единичные события, которые могут произойти один раз, — вручение лагерю награды, знамени и т.п. Участники этих событий — вполне конкретные люди, и все, кто будет принадлежать к этой воспитывающей общности, могут лишь обращаться к памяти очевидцев.

Возращение к советскому варианту воспитания в детских загородных центрах невозможно. Понимая глубину и потенциальную силу действительности символики, необходимо проектировать и конструировать пласты мифологии современного воспитания. Думаю, что у этого призыва найдутся противники. Я даже слышу их возражения. В использовании символики много несвободы, навязывания значений, идей

и отношений. И хотя никто не думает о панацее любого средства, в том числе и символики, свободы выбора материалов.

Что я могу им ответить? Думаю, что такая или иная мифология всё равно возникнет. Не хотелось бы, чтобы, пустив на самотёк означивание воспитательных пространств, мы ужаснулись тому, что увидели.

Кто тут прав, кто не прав —
Я прошу вас, не надо, не спорьте,
Слишком короток век —
Не прошёл бы за спорами весь. **НО**